

*Бойся одноглазых аримаспов
и стерегущих золото грифов,
встреча с ними грозит тебе только
смертью. [...] Грифы живут
в холодном краю, среди высоких гор,
где снежные хлопья похожи
на птичьи перья*.*

* Геродот. История. Книга IV.

Давным-давно это было. Когда люди знали, что обитают духи бок о бок с ними. Когда верил народ, что каждая гора, каждая река, каждый лес — живые и душу имеют. Когда смерти не было и продолжал человек земной путь на пастбищах небесных, а те, кто пуще других жаждал вечной жизни, не уходили вовсе, засыпая во льдах в ожидании своего часа.

Давным-давно это было. Жил в сердце мира, в благословенных горах алтайских, народ. Из дальних земель пришел он, а как называл себя и куда сгинул — про то неведомо.

Племенами жил народ — мелкими и крупными. Правил каждым свой зайсан*, а над всеми зайсанами каан** стоял: и суд вершил, и споры разрешал, и рассорившихся мирил. За то племена дань ему платили.

Каждое племя свой промысел имело. Кто пушного зверя да маралов по богатой тайге бил; кто коней да овец разводил на привольных и сытных пастбищах. Одни во чрева гор дорогу отыскивали и брали оттуда застывшую кровь древних алыпов***-великанов и поверженных ими черных врагов. Другие же укротили огонь и делали эту кровь такой, какой была она прежде: раскаленной и кипящей, текучей да бурливой. И тогда из черной крови явилось железо рукам на подмогу, а из редкой богатырской — золото очам на радость.

Кузнечный молот умельцев превращал золото в тончайшую фольгу. И покрывали ею людские и конские украшения из дерева, чтобы в блеске

* Зайсан — родовой князь.

** Каан — государь, властелин над всеми племенами.

*** Алып — богатырь.

своим уподобиться солнцу. О золоте том, о сказочных кладах и поныне молва твердит, мол, лежат в земле священных гор груды сокровищ. А что память людская — золото, про то не думают. И в земле поистине сокрыты богатства — для тех, кто хочет узнать, а то и вспомнить, как было на самом деле.

Из недр алтайских гор, из ледяных объятий, из лиственничных чертогов среди прочих пришли в наш мир двое: мужчина и женщина. Они принесли весть о канувшем в века народе, явились поведать истории, которые помнят лишь камни на урочище Пазырык* да о которых поет ветер над плато Укок**. И вы послушайте.

А называть тех людей станем пазырыкцами — по месту, где в былые времена раскинулись их древние станы и где упокоились великие кааны. Видите? Вот выезжают кочевники из тайги. Женщины равны мужчинам, всадники неотделимы от скакунов. Как вихрь несутся они сквозь годы, стоит лишь представить их. Женщины в ярких одеждах, с мудреными прическами; мужчины в лохматых шубах и шапках, увенчанных головками птиц. Стережущие золото грифы.

* Урочище Пазырык находится в долине р. Большой Улаган близ села Балыктуюль (Улаганский район Республики Алтай). В 1929 году экспедицией академика С. И. Руденко в тех местах были раскопаны усыпальницы пазырыкской племенной знати. Пазырыкская культура — археологическая культура железного века (VI—III вв. до н. э.). Имеет черты скифской и древнеиранской культур.

** Укок — высокогорное плато с зимними пастбищами, расположенное на высоте около 2500 м над уровнем моря на юге Горного Алтая.

**Путеводная
звезда**

Сказание о Темире

Пещера эта — вовсе не то, чем кажется. Не зря мать строго-настрого запретила сюда забираться. Стоило шестилетнему Темиру* переступить через невидимую границу мира духов, как скала под ним угрожающе задрожала, будто растревоженная рыком чудовища. Темир отскочил назад, отпружинив ногами, как лесная кошка. Вовремя: внутри пещеры вспыхнуло зловещее красное пламя, свод резко опустился, шелкнув клыками-сталактитами. Ожил Адыган**.

Темир опрометью кинулся к крутой тропке и кубарем скатился к подножью скалы, грохоча мелкими камнями и подняв вихрь пыли. Не оглядываясь, но спиной чувствуя дыхание великана, он ринулся в долину, хрипло дыша. Летящий навстречу ветер остужал мгновенно выступивший пот. Темир обернулся лишь раз, чтобы в ужасе увидеть, как грозный Адыган отрывает от земли огромную ступню. Рот-пещера исказился от ярости.

— Не догонишь! — нарочито весело крикнул Темир, высунув язык. — Я легкий! Я быстрый!

Чудовище издало рык, полный грозной ярости, и, подняв с земли приличного размера валун, швырнуло вслед улепетывающему сорванцу. Да,

* Темир — железо (*южноалт.*).

** Адыган — персонаж алтайских легенд, один из четырех братьев-великанов, спустившихся на землю с Ориона после Всемирного потопа и ставших горами. Гора Адыган — одна из вершин хребта Иолго в Северном Алтае, достигающая отметки 1858 м над уровнем моря.

пусть Адыган и не мог состязаться с Темиром в беге, но рука его была сильна и точна: валун со свистом описал дугу и накрыл мальчика стремительно растущей тенью. Темир ничком упал на землю, защищая голову руками и понимая, что это конец.

— Темир! Вот где тебя ветер носит! — сердито прикрикнула мать и, приподняв сына за пояс штанов, поставила его на ноги.

— Матушка, великан! — задыхаясь, выпалил Темир, округляя в испуге глаза и указывая туда, где еще мгновение назад силился сделать шаг Адыган.

— Исцарапался весь, штаны порвал, — ворчала мать как ни в чем не бывало.

— Бежим! Там, там... сам Адыган! — Темир вцепился в материнский подол и тряс его руками.

— Э, мне еще разорви юбку! Дрожит весь, как новорожденный жеребенок. Иди в дом, отец зовет. Да остерегись ему свои выдумки рассказывать.

Подгоняемый матерью, Темир покорно поплелся впереди, озираясь на скалу, которая вновь стала просто скалой с раззявленной пастью-пещерой. Не было и летевшего вдогонку валуна — только небольшая тучка зависла над долиной, отбрасывая тень на землю.

— Матушка, когда же я смогу носить оружие? — жалобно и тихо спросил Темир. — Хоть коротенький кинжал. Я убью Адыгана!

— Вот выдумщик, мечтатель! — Мать всплеснула руками. — В кого только блаженный такой?

Сказка это, Темир, сказка. Нет великанов. А если и были, то, как и сказывают, давно горами стали. А горы не ходят.

Темир надул губы и нахмурился. Адыган — не выдумка, и однажды он будет повержен им, Темиром.

Отец сегодня принимал гостей. В деревянном восьмистенном аиле* было душно. Служанки таскали блюда с мясом, лепешками и сладким сыром. Они едва успевали наполнять чаши вином из кожаных тажууров**. Терпко пахло зажженным курением.

Отец Темира был кааном над всем кочевым народом. Именно зайсаны разных племен и собрались у гостеприимного очага. Они привезли дань и подарки, взамен прося совета, помощи или защиты. Отец Темира правил мудро, хоть зачастую и относился к кочевникам как к людям низкого пошиба.

Мать торопливо привела Темира в порядок, оттерев грязь с его лица краем юбки и стряхнув пыль со штанов. На миг прижав сына к могучей груди, легонько толкнула его в спину, и он робко вышел на середину аила. Отец ласково поманил Темира — он уже изрядно захмелел, потому был непривычно внимателен к домашним. Темир

* Аил — отдельное жилище (юрта или шалаш).

** Тажуур — кожаный узорный сосуд для хмельных напитков.

поймал почему-то сочувствующий взгляд старшего брата.

— Поди, Темир, сюда. Поди, сынок.

Темир приблизился. Коснулся дрожащими пальцами лба, потом груди и слегка склонил голову, оказывая почтение собравшимся. Зайсаны одобрительно загудели.

— Вот, Темир, это Зайсан наших родичей с Укока. — Отец кивнул в сторону лысеющего человека с темными раскосыми глазами.

Темир поклонился гостю.

— Его племя уже откочевало на зиму. Рано зима идет в этом году, — продолжал отец. — Завтра он двинется в обратный путь, и ты с ним.

Темир непонимающе оглянулся, ища поддержки у матери. Та всхлипнула и затихла, зажав рот рукой и опустив глаза. Ее широкие плечи ссутулились.

— Навсегда? — вымолвил Темир, сдерживая слезы и чувствуя, как кровь отливает от лица.

Он был воином, а воину негоже плакать от разлуки с родными. Так Адыгана не повергнешь.

— До зимы не успеешь вернуться. Перезимуешь на тамошних пастбищах. На Укоке живет великая Шаманка. Я хочу, чтобы ты повидал ее, а она поглядела на тебя. Это моя младшая сестра.

Последние слова он прошептал Темиру на ухо, обдав его парами выпитого вина. Темир кивнул, сжав зубы, — приказы отца исполняются без вопросов и возражений. Он слышал что-то о Шаманке, но все это говорилось шепотом и казалось

слухами. Похоже, отец предпочитал молчать о такой родственнице, хотя говорящие с духами обычно служили поводом для гордости каждого рода.

И уже следующим утром маленький мальчик каанских кровей, шести зим от роду, качался на лошади позади чужака Зайсана. Путь был далекий и однообразный. Вот бы сидеть впереди этого человека, чтобы с высоты роста длинноногого красавца-скакуна обозревать окрестности. Но попросить Темир не решался — так и сидел, оцепенев и вперив невидящий взгляд в черную шубу Зайсана, по которой туда-сюда моталась тонкая серая косичка, сплетенная из остатков волос.

Иногда Темир бросал взгляды на окружающих всадников: суровые обветренные лица, уверенная посадка в седле, распахнутые шубы, открывающие голую грудь. Дикари — отец правильно говорил. Темиру стало отчаянно стыдно за свою чистенькую белую шубку, под которой была светло-коричневая рубаха с красным воротом: простые кочевники рубах не носили. Он поежился и попытался запахнуться плотнее.

Они останавливались только на ночь или когда уставали кони. Усталость людей никого не волновала. К ночной стоянке Темир всякий раз был зверски голоден и набрасывался на незамысловатую еду: вяленое мясо и засохший хлеб. Всадники Укока смеялись над ним беззлобно, без издевки. Выставив дозорных и усевшись вокруг костра, они принимались разговаривать, рассказывать истории и охотничьи байки — все это Темир слушал

с жадным любопытством, как бывало и дома. Лица, суровые во время пути, смягчались, и Темир расслаблялся — может, среди этих людей жить будет не так уж плохо. Он обладал легким нравом и любил смеяться, поэтому обычно нравился всем. Оставалось только полюбить незнакомцев в ответ.

Зачем отец отослал Темира, об этом он не думал. Особенно когда у костра звучала очередная леденящая кровь история о встрече с лесными людьми, косматыми и красноглазыми, или чудесная сказка о речных девах, чьи волосы отливают бирюзой и зеленью. Темиру хотелось спросить, есть ли в их стане кайчи*, которых он боготворил, но с ним никогда не заговаривали, а сам он не смел первым обратиться к старшим.

Луна уже похвалялась сытыми круглыми боками, когда горы стали такими огромными, каких Темир прежде не видал. Окружающий лес редел и приближался к своей верхней границе. Тропа извилисто шла все ввысь и ввысь и настолько сузилась, что всадникам пришлось пустить коней по одному. Медленно, вереницей взбирались они на перевал, и Темир закрывал глаза всякий раз, когда из-под копыта одного из животных отлетал камень и срывался в зияющую справа бездну, рождая волны громкого эха. Далеко внизу Темиру удавалось различить верхушки кедров и плутающую

* Кайчи — певец-сказитель, исполняющий героический эпос под аккомпанемент народных инструментов. Отличительной чертой кайчи является горловое пение — кай.

между ними ленивую реку, укрытую рваными клочьями тумана.

Привалы стали временно невозможными, потому ехали и ночью без сна. На перевале уже лежал снег, и Темир стянул тесемки на рукавах шубы, пряча руки. Ему удалось высунуться из-за спины Зайсана и разглядеть впереди, в голубом мареве, снежные шапки далеких гор. Это величественное зрелище наполнило сердце восторгом и благоговением, и Темир поклялся себе в этот миг полюбить Укок и его жителей.

Иногда тропа круто забирала в сторону, и Темир диву давался, насколько спокойны всадники. Да и лошади шли уверенно, почти не спотыкаясь. Сколько раз они уже проходили здесь?

Мысли несли Темира все дальше и дальше, когда он понял, что задремал. Он вздрогнул и крепче вцепился в мех шубы Зайсана.

— Чего ты? — тот слегка обернулся, впервые заговорив с Темиром.

Темир увидел дружелюбную улыбку на загорелом лице.

— Уснул. Испугался, что упаду, — тихо ответил он, прочистив отвыкшее от разговоров горло.

— Ниже земли не упадешь, а упадешь — так встанешь. — Зайсан пожал плечами.

Тут Темир наконец заметил, что дорога идет уже не над пропастью, да и дороги-то никакой нет. Перед ними лежала степь, покрытая высокой сухой желто-бурой травой. Пронизывающий ветер набрасывался сразу со всех сторон. Трава шелестела

и склонялась до земли, словно приветствуя хозяина гор. Да, это ветер господствовал тут, выдувая почти весь снег с бескрайней равнины, оставляя на зиму пищу стадам и табунам.

Темир никогда не видел такой обширной, ровной, словно блюдо, земли. Как и раньше, он приметил на горизонте массивные матово-белые вершины и неуверенно, загибая пальцы, сосчитал их — пять.

Темир нетерпеливо заерзал на спине лошади, предвкушая конец перехода. Впереди изгибалась молочного цвета река, по берегам которой рассыпались постройки, будто проходивший мимо Адыган обронил из поясного мешочка конопляные зерна. Наверное, там и обитают эти суровые всадники.

— Укок, — коротко сказал Зайсан, отвечая на немой вопрос Темира.

Народ высыпал из деревянных зимников, не имевших ни единого украшения или знака отличия. Люди радостно встречали вернувшихся: мальчишки, босоногие, несмотря на холод, визжали и путались под ногами лошадей; всадники смеялись и легонько, в шутку, охаживали ребятню плетками. Лай собак, человеческие голоса и запах дыма совсем согрели сердце Темира — здесь будет почти как дома.

Зайсан спешился и стянул Темира с коня. Он покачнулся на затекших ногах и неуверенно посмотрел на Зайсана снизу вверх. Тот показал на